

Оглавление

Предисловие	5
1. Итоги «Большого террора» и Великой Отечественной войны	12
1.1. Массовые репрессии в 1937–1938 годах: причины, масштаб, последствия.....	12
1.2. Погибшие на войне в официальной и народной памяти	32
2. Масштабы политических репрессий и потерь СССР в войне в зеркале исследований сталинского периода	47
2.1. Публикации о «Большом терроре» и его жертвах как составная часть советской пропаганды.....	47
2.2. Отражение последствий Великой Отечественной войны в работах военных и послевоенных лет.....	62
3. Анализ итогов государственного террора и войны в российских публикациях середины 1950-х — середины 1980-х годов	72
3.1. Влияние «оттепели» на изменение взглядов о потерях в 1937–1945 годах.....	72
3.2. Особенности изучения демографических проблем предвоенного и военного времени в годы героизации советского прошлого	92

4. Новейшая российская историография о демографических катастрофах кануна и периода войны	107
4.1. Масштабы потерь в дискуссиях реформенного времени	107
4.2. Постсоветские публикации о терроре и войне: поиск истины	129
4.3. Исследования 2000-х годов: некоторые итоги	142
Заключение.....	157
Библиография	166
Приложения.....	233

Предисловие

Массовые политические репрессии 1930-х годов, Великая Отечественная война имели для нации необратимые последствия, прежде всего, демографические. Разные по причинам возникновения, эти события привели к невозполнимым людским утратам, гибели миллионов соотечественников, негативным экономическим, социальным, культурным, ментальным последствиям. «Большой террор» — массовые политические репрессии, развязанные сталинским режимом против собственного народа, — привел к тому, что за 1937–1938 годы по политическим мотивам было осуждено 1 344 923 человека¹, из которых каждый второй расстрелян². Государство убивало в эти годы одну тысячу своих граждан ежедневно. Террор нанес огромный урон всем сферам жизни общества. Произволу подверглись сотни тысяч ни в чем не повинных людей, многие из которых имели значительный профессиональный и жизненный опыт, знания, были преданы Родине. Репрессии обезглавили промышленность, армию, сферу образования, науки, культуры. Произошло это накануне самой драматичной и масштабной войны XX века. Только в Красной Армии в годы «большого террора» было незаконно репрессировано около 40 тысяч офицеров³. Государственный террор объективно ослабил страну и армию в преддверии войны с фашизмом.

Следствием в том числе и массовых политических репрессий стало для СССР катастрофическое начало Великой Отечественной войны. В первые месяцы войны особенно, да и на всем ее протяжении, советское руководство и, прежде

---

¹ Население России в XX веке. В 3-х т. Т. I. М., 2000. С. 316–317.

² Там же. С. 318.

³ За 1418 дней и ночей Великой Отечественной войны Красная Армия потеряла 180 человек высшего состава от командира дивизии и выше (112 командиров дивизий, 46 командиров корпусов, 15 командующих армиями, 4 начальника штаба фронта и 3 командующих фронтами), а за несколько предвоенных лет (в основном в 1937 и 1938 гг.) было по надуманным сфабрикованным политическим обвинениям арестовано и опозорено более 500 командиров в звании от комбрига до Маршала Советского Союза, из них 29 умерли под стражей, а 412 расстреляны // *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА. 1937–1938. М., 1998. С. 317.

всего Сталина, мало заботила цена победы или поражения. Они исходили из неисчерпаемости людского и материального потенциала СССР. Поэтому жизнью солдат и офицеров не дорожили. Спустя почти пятьдесят лет после начала Великой Отечественной войны, писатель-фронтовик В. Кондратьев написал: «Немцы воюют расчетливее, стараясь избежать лишних жертв»⁴. Итогом такого отношения к «человеческому материалу» явились огромные невосполнимые людские потери советского государства в 1941–1945 годах. Последняя из официально названных цифр жертв войны — 27 млн человек⁵ не является окончательной. Известно, что это количество было получено путем сопоставления оценок о числе населения СССР накануне и после окончания войны⁶. А они далеки от совершенства. Довести до конца работу по выявлению истинных причин, масштабов и последствий указанных событий есть не только важнейшая научная, но и нравственная задача. «Большой террор», итоги Великой Отечественной войны — это не только наше вчера, но и сегодняшняя боль. И не только потому, что мы не знаем дорогу к могилам всех несправедливо осужденных, замученных, расстрелянных, и не только потому, что не все солдаты последней войны преданы земле с подобающими почестями. В обществе не была осуждена идеология сталинизма, как когда-то был отвергнут и преодолен фашизм. Осмысление драматических событий второй половины 1930-х — середины 1940-х годов и их последствий за последние восемьдесят лет прошло сложный и извилистый путь. От прямых фальсификаций и лжи о масштабах репрессий и истинных потерь СССР в войне до глубоких и объективных исследований, которые приближают нас к исторической правде. На разных этапах послевоенной отечественной истории вопрос о масштабах репрессий и потерях в войне становился предметом острых научных дискуссий, политических игр, идеологических противоборств. В советский период предвоенная и военная история стали заложниками глобального

---

⁴ Коммунист. 1990. № 7. С. 123.

⁵ Горбачев М. С. Уроки войны и победы // Известия. 1990. 9 мая.

⁶ Мерцалов А., Мерцалова Л. Сталинизм и война. М., 1998. С. 389.

противостояния между Востоком и Западом, аргументами в споре об исторических преимуществах того или иного общественно-политического строя.

Сегодня в отечественной историографии выделяются три течения, авторы которых по-разному оценивают «большой террор», последнюю войну и их демографические последствия. Первое течение — радикальное. К нему мы отнесем авторов коллективной монографии «Советская историография»⁷, а также тех исследователей, которые называют альтернативные оценки потерь СССР в 1937–1945 гг., резко критикуют официальную советскую историографию, называя ее наукой «фальсифицировавшей историю, деформировавшей сознание, насаждавшей мифы»⁸. Это работы Б. В. Соколова, В. Г. Первышина, Ю. Геллера и др. А. Н. и Л. А. Мерцаловы назвали лидера этого течения Б. В. Соколова «своеобразным экстремистом». К этому течению, безусловно, можно отнести яркую, но неоднозначную публицистику А. И. Солженицына, Р. А. Медведева, В. Суворова, А. Антонова-Овсеенко и других. Второе течение мы условно назовем консервативным. Авторы этого течения не приемлют отрицания всего того, что было сделано советской исторической наукой, прежде всего, в исследовании Великой Отечественной войны, продолжают писать об историческом значении победы СССР, массовых политических репрессиях 1930-х годов как о некоем очистительном для советского общества явлении (М. Гареев, О. Ржешевский, Г. Кривошеев, В. Кожин, А. Анфилов и др.). К сожалению, часто авторы, которых мы относим к консервативному направлению, приписывают исследователям, пытающимся выяснить истинные масштабы репрессий и потерь СССР в войне, не свойственное им намерение «обесценить нашу победу необоснованно большими жертвами»⁹. Справедливо писали А. и Л. Мерцаловы: «Высокая цена победы — такой же реальный факт истории, как и решающая роль СССР в войне. Первая не может затмить

---

⁷ Советская историография. М., 1996.

⁸ Там же. С. 9.

⁹ Мерцалов А., Мерцалова Л. Сталинизм и война. С. 390.

второй, так же как и вторая не позволяет забывать о первой»¹⁰. Ко второму течению мы также отнесем работы авторов, настроенных явно просталински. Они объединены, прежде всего, вокруг московских издательств «Яуза» и «Эксмо», выпускающих небесспорные книги под рубрикой «Сталин. Великая эпоха» (Д. Лысков, А. Мартиросян, авторы сборника «Не-«Неправда Виктора Суворова» и др.). К сожалению, очень часто просталинисты идут по пути отрицания очевидных явлений в истории — массовых политических репрессий, непомерно больших жертв войны, оправдания насилия и теневых сторон предвоенной и военной истории СССР. Третье течение — объективистское. Его появление неразрывно связано с событиями рубежа 1980–1990-х годов. Снятие политической цензуры, идеологических запретов привело к появлению такой научной среды, в которой самой важной задачей исследователя становится научный результат, без оглядки на «власть держащую». Авторы данного течения, исповедуя принцип объективности и историзма, стремятся к выявлению истинных масштабов потерь СССР в предвоенное и военное время, не смешивая понятия историческая правда и псевдопатриотизм (В. Жиромская, О. Хлевнюк, В. Хаустов, А. и Л. Мерцаловы, В. Земсков, О. Сувениров, П. Полян, В. Исупов, Ю. Поляков и др.).

Существенный вклад в изучение проблемы вносят книги, выходящие в издательстве РОССПЭН, в серии «История сталинизма»¹¹.

Достижения и успехи отечественной науки в исследовании драматических страниц истории очень важны в аспекте формирования исторического сознания российского общества. Важным представляется проблема подготовки учебников для школы и вузов. В последние годы очень много критики обрушилось на учебную литературу по отечественной истории.

Тридцать лет автор участвовал в работе общества «Мемориал». Без этого общества, людей, посвятивших свою жизнь изучению проблем политического террора, увековечиванию памяти его жертв, а самое главное — формированию

---

¹⁰ Мерцалов А., Мерцалова Л. Сталинизм и война. С. 391.

¹¹ Издаётся с 2007 года, подготовлено и издано 180 томов серии.

в обществе демократических механизмов, которые исключили бы вероятность повторения государственного произвола в любых формах и масштабах выход настоящей книги «в свет» был бы невозможен. Автор благодарит председателя правления Международного общества «Мемориал», ныне покойного, Арсения Борисовича Рогинского за поддержку и приглашение на международную научную конференцию «1937–1938: Апогей Большого Сталинского террора», которая состоялась в Париже, в декабре 2007 г.¹² Анализ докладов, сообщений и дискуссий конференции в монографии представлен в отдельном приложении. Мы благодарны члену правления Российского общества «Мемориал» Борису Исаевичу Беленкину и действующему председателю правления Международного общества «Мемориал» Яну Збигневичу Рачинскому за значительную помощь, оказанную при подготовке книги. Хотелось выразить слова признательности французским историкам А. Блюму и Н. Верту за профессиональное общение и советы.

В соответствии с Законом РФ «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», распоряжением Правительства РФ от 26 августа 1995 г. № 177-р, постановлением Законодательного Собрания Краснодарского края от 18 марта 1997 г. № 559-п «Положение о краевой Книге Памяти» и постановлением главы администрации Краснодарского края от 24 апреля 1997 г. № 157 «Об издании краевой Книги Памяти» в Краснодарском крае ведется сбор документов и издание краевой Книги Памяти. Эта работа координируется администрацией Краснодарского края, краевым военным комиссариатом, краснодарским краевым советом ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов, краснодарским краевым советом Всероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры». Автор в качестве члена редакционной коллегии принимал участие в подготовке и публикации Книги памяти. По состоянию на 1 января 2005 года издан двадцать один том

---

¹² Об этом см.: Научная конференция о «большом терроре» в Париже // Кропачев С. А. Демографические потери населения СССР. Майкоп, 2018. С. 30–48.

краевой Книги, в который поименно внесены фамилии 476 тысяч кубанцев, погибших в годы Великой Отечественной войны. Эта серия краевой Книги Памяти стала лауреатом премии администрации Краснодарского края в области культуры за 1999 год. Второй проект, который сегодня реализуется — это издание в соответствии с постановлением главы администрации края № 929 от 23 сентября 2003 г. Книги Памяти жертв политических репрессий по Краснодарскому краю.

Автор в качестве научного консультанта и председателя Правления краснодарского краевого отделения Российского благотворительного, историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал» (Российский «Мемориал») активно участвовал в этой работе. Изданы девять томов Книги Памяти жертв политических репрессий, в которых содержатся биографические данные десятков тысяч кубанцев, подвергавшихся судебным или внесудебным преследованиям по политическим мотивам. Большая работа проделана по созданию Единой электронной базы данных репрессированных и реабилитированных на территории Краснодарского края. В 2005 году краевое общество «Мемориал» стало победителем конкурса грантов администрации Краснодарского края для поддержки общественно полезных программ общественных объединений за проект «Трагические судьбы — возвращенные имена». На средства гранта была создана Единая электронная база данных, которая сегодня насчитывает около 40 тысяч биографических справок на реабилитированных кубанцев, репрессированных в 1930–1940-е и другие годы. В нее занесены данные из судебно-следственных дел архива УФСБ по Краснодарскому краю, списков административно высланных (кулаки, депортированные народы) архива ГУВД по краю, другие материалы. Был также создан Интернет сайт www.kubanmemo.ru, который обеспечивает с помощью системы поиска возможность нахождения интересующих сведений о репрессированных гражданах. Подготовлен и направлен заинтересованным организациям компакт-диск, являющийся статичным аналогом указанного сайта. Работа краснодарского общества «Мемориал» по увековечению памяти жертв политических репрессий получила благословение митрополита Екатеринодарского

и Кубанского Исидора. Материалы монографии были использованы при подготовке Книги памяти незаконных политических репрессий Ставропольского края¹³, а так же Книги Памяти жертв политических репрессий Новгородской области¹⁴ Факты и выводы, представленные в исследовании, нашли отражение в учебниках и учебных пособиях по истории Краснодарского края¹⁵.

С 2002 г. Краснодарское краевое отделение общероссийской общественной организации «Российское историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество “Мемориал”» являлось организатором Всероссийских научных конференций под общим названием «Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР». Состоялось восемь конференций, на которых рассматривались наиболее крупные проблемы политических репрессий — осуществление «Антикулацкой» операции НКВД СССР 1937–1938 гг., масштабы голода 1932–1933 гг. и др. Подготовка к этим конференциям, выступления с докладами явились для нас стимулом к научной работе, изучению сложных проблем советской истории 1930–1940-х годов.

Спасибо моему учителю, ныне покойному профессору Кубанского университета Валерию Евгеньевичу Щетневу за то, что привил вкус к науке и научил свободно мыслить.

Большое спасибо за поддержку и советы моему научно-консультанту, доктору исторических наук, профессору, главному научному сотруднику ИРИ РАН Жиромской Валентине Борисовне.

*Автор, март 2020 г.,
г. Москва*

---

¹³ Книга жертв незаконных политических репрессий Ставропольского края. Т. 9. Ставрополь, 1999.

¹⁴ Книга Памяти жертв политических репрессий Новгородской области. Т. 15. Великий Новгород, 2018.

¹⁵ См.: История Кубани XX век: очерки. Краснодар, 1998; История Кубани с древнейших времен до конца XX века: учебник для высших учебных заведений. Краснодар, 2004.

1

Итоги «Большого террора» и Великой Отечественной войны

1.1. Массовые репрессии в 1937–1938 годах: причины, масштаб, последствия

Целью данного параграфа является выявление масштабов массовых политических репрессий в СССР в 1937–1938 годах. Учитывая сложность поставленной цели и ограниченность формата исследования, назовем лишь основные причины, «волны» репрессий, их масштабы и последствия в обозначенные годы.

С 23 февраля по 5 марта 1937 года состоялся печально известный Пленум ЦК ВКП (б), на котором 3 марта с основным докладом «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» выступил И. В. Сталин, повторивший свой известный вывод об обострении классовой борьбы. Он заявил: «...чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы как последние средства обреченных»¹⁶. Главными врагами советского государства были объявлены троцкисты, превратившиеся, по мнению И. В. Сталина, «... в беспринципную и безыдейную банду вредителей, диверсантов, шпионов, убийц, работающих по найму у иностранных разведывательных органов»¹⁷. Он призвал «в борьбе с современным троцкизмом» применять... «не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчевывания и разгрома»¹⁸. Фактически это была четко сформулированная перед НКВД СССР задача на уничтожение «врагов народа».

---

¹⁶ Сталин И. В. Сочинения. Т. 14. Март 1934–1940. М., 1997. С. 166.

¹⁷ Там же. С. 164.

¹⁸ Там же.

В Заключительном слове на Пленуме 5 марта 1937 года И. В. Сталин, опираясь на результаты партийной дискуссии 1927 года, даже назвал конкретное (!) количество «врагов» — 30 тысяч троцкистов, зиновьевцев и всякой другой «шушеры: правые и прочие...»¹⁹. К моменту Пленума из них уже было арестовано 18 тысяч человек. Таким образом, «врагов», по-Сталину, осталось «всего» 12 тысяч²⁰.

В резолюции Пленума, принятой 3 марта 1937 года по докладу Н. И. Ежова²¹, «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов» были одобрены «мероприятия ЦК ВКП (б) по разгрому антисоветской, диверсионно-вредительской, шпионской и террористической банды троцкистов и иных двурушников»²². Органы НКВД СССР фактически получили неограниченные полномочия в деле «разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов фашизма»²³.

После окончания Пленума начались (а точнее — продолжились) многочисленные аресты «троцкистов», «зиновьевцев», «правых», «шляпниковцев» и др. на всей территории страны. С 14 по 29 мая 1937 года были произведены аресты высшего военного командования (М. Н. Тухачевский, И. Э. Якир, И. П. Уборевич и др.) по делу так называемого военно-фашистского заговора. 23 мая 1937 года Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление «Вопрос НКВД», по которому было решено «всех исключенных из ВКП (б) за принадлежность к... антисоветским формированиям из Москвы²⁴, Ленинграда, Киева выселить в административном порядке в непромышленные районы Союза и прикрепить для жительства

---

¹⁹ *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 14. Март 1934–1940. М., 1997. С. 204.

²⁰ Там же. С. 205.

²¹ 5 сентября 1936 года — нарком внутренних дел СССР.

²² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. *Архив Сталина*. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М. 2004. С. 112.

²³ Там же.

²⁴ В спецдонесении Н. И. Ежова И. В. Сталину от 22 мая 1937 года указывалось, что только в Москве проживало 4000 троцкистов и зиновьевцев, исключенных в разное время из ВКП (б) // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 186.

к определенным пунктам»²⁵. По постановлению Политбюро ЦК ВКП (б) от 8 июня 1937 года «О выселении семей троцкистов и правых» было решено «поручить НКВД произвести выселение из пределов Азово-Черноморского края в один из районов Казахстана семей арестованных троцкистов и правых»²⁶.

«Враги народа» выявлялись и в массовом порядке арестовывались, члены их семей высылались в окраинные районы страны, НКВД разоблачал одну за другой «антисоветскую», «фашистскую», «террористическую» организацию. Главным героем газетных публикаций постепенно становился наркомвнуделец (а не партработник, как ранее), его антиподом — двуличный, хитрый, коварный шпион, вредитель, диверсант, которого призывал «громить» и «выкорчевывать» И. В. Сталин в марте 1937 года. Разоблачение сотен тысяч неожиданно появившихся «врагов народа» проходило на фоне нарастающего массового политического психоза, истерии и народного негодования, умело подогревавшихся и направлявшихся партийными органами всех уровней.

Спустя неполных четыре месяца после окончания февральско-мартовского Пленума, 2 июля 1937 года вышло Постановление Политбюро с типичным, «конвейерным» для этого периода названием «Об антисоветских элементах»²⁷. Этим Постановлением ЦК ВКП (б) предложил «всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки²⁸, а остальные менее активные,

---

²⁵ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 189.

²⁶ Там же. С. 216.

²⁷ Там же. С. 234.

²⁸ «Тройки» как внесудебный орган были созданы 29 октября 1929 года циркуляром ОГПУ в центральном аппарате этого ведомства для предварительного рассмотрения законченных следственных дел и последующего доклада на судебных заседаниях коллегии или Особого совещания

но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД»²⁹. Упомянутым в Постановлении должностным лицам предлагалось «в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке»³⁰.

Чтобы уничтожить своих бывших оппонентов, Сталин «спрятался» за бывших кулаков и уголовников. Теперь и они объявлялись «главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений»³¹. Начиная с 5 июля 1937 года, Политбюро ЦК ВКП (б) своими Постановлениями утверждает персональные составы «троек» по проверке антисоветских элементов в ряде краев, областей и республик СССР. В этих Постановлениях в том числе были утверждены цифры «намеченных к расстрелу и высылке» «кулаков и уголовников» по данным субъектам СССР³².

Реализуя Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 2 июля 1937 года, НКВД направил на места директиву № 266 о проведении учета кулаков и уголовных элементов, разделении их на две категории, согласовании окончательных цифр с партийным руководством краев, областей или республик. В центр начали поступать итоговые данные о лицах, подлежавших репрессиям, которые, как правило, корректировались в сторону увеличения³³. Некоторые наиболее ретивые начальники Управлений краев и областей стремились отличиться и выявляли в считанные дни тысячи кулаков, представлявших опасность для общества. Так, начальник УНКВД по Свердловской области — Д. М. Дмитриев доложил о 4700 кулаках, по Ростовской области — Г. С. Люшков о 5721, которые были отнесены к так называемой I категории и должны были быть расстреляны³⁴.

управления. До 1937 года правом выносить расстрельные приговоры не обладали // Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 81.

²⁹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 235.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 234.

³² См. там же: С. 239, 241, 242.

³³ Там же. С. 644.

³⁴ Там же.

Несмотря на то, что в центр нужно было сообщить только количество кулаков, имелись случаи их массовых арестов в июле 1937 года. Например, Управлением НКВД по Омской области было «ударной работой по состоянию на 1 августа арестовано по первой категории всего 3008 человек»³⁵.

30 июля 1937 года народный комиссар внутренних дел СССР Н. И. Ежов подписал ныне широко известный оперативный приказ № 00447 об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов³⁶. Если выступления И. В. Сталина и других вождей о нарастании классовой борьбы в 1930-х годах можно расценить как злободневную политическую задачу, своеобразный социальный заказ, решения Политбюро ЦК ВКП (б) об «антисоветских элементах» — высшего органа правящей партии — как важнейший ориентир, конкретизацию поставленных целей, то оперативный приказ НКВД был четким руководством к действию. Он определил порядок, сроки, масштабы репрессий «антисоветских элементов», утвердил персональный состав республиканских, краевых и областных «троек», организацию их работы и полномочия. В состав «троек» входили: в качестве председателя — наркомы внутренних дел союзных республик, начальники краевых, областных Управлений НКВД, в качестве членов — руководящие работники этих ведомств и, как правило, республиканские, краевые и областные прокуроры или их заместители. Если последние не входили в состав «троек», то могли присутствовать на их заседаниях. В «тройках» могли входить ответственные партийные и советские работники (секретари ЦК союзных республик, крайкомов и обкомов ВКП (б), председатели СНК союзных республик и др.). Все репресслируемые по мерам наказания разбивались на две категории. К первой относились все наиболее враждебные «антисоветские элементы». Они подлежали «немедленному аресту и по рассмотрении их дел на тройках — расстрелу»³⁷.

---

³⁵ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С 644.

³⁶ Там же. С. 273–281.

³⁷ Там же. С. 274.

Ко второй категории относились «все остальные менее активные, но все же враждебные элементы»³⁸. Они подлежали «аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них, заключению на те же сроки в тюрьмы по определению тройки»³⁹. Цена решения «тройки» была очень высока. Отнесение «тройкой» репрессируемого к первой категории означало неминуемую скорую смерть, ко второй — смерть, но мучительную и долгую. Был определен длинный перечень «контингентов», подлежащих репрессиям. Назовем некоторые из них: это «бывшие кулаки», «социально-опасные элементы, состоявшие в повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формированиях», «члены антисоветских партий», «бывшие белые, жандармы, чиновники, каратели, бандиты, бандопособники, переправщики, реэмигранты» и др. Карающий меч НКВД должен был поразить многочисленных врагов независимо от их места нахождения.

Операция по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов должна была начаться во всех республиках, краях и областях СССР с 5 августа, в Узбекской, Туркменской, Таджикской и Киргизской ССР — с 10 августа, в Дальневосточном и Красноярском краях и Восточно-Сибирской области — с 15 августа 1937 года и закончиться в четырехмесячный срок⁴⁰.

В приказе было утверждено конкретное количество подлежащих репрессиям по первой и второй категории по каждой республике, краю или области. Всего по стране «в плановом порядке» предстояло репрессировать по первой и второй категории 268 950 человек⁴¹, в т. ч. в лагерях НКВД по первой категории — 10 000 человек.

Данные цифры являлись «ориентировочными». Но наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных

---

³⁸ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 273–281.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 273, 277.

⁴¹ Там же. С. 275–276 (расчет наш — С. К.).

Управлений НКВД не имели право «самостоятельно их превышать». Разрешалось «уменьшать цифры» и переводить «лиц, намеченных к репрессированию по первой категории — во вторую категорию и, наоборот...»⁴². В тех «случаях, когда обстановка будет требовать увеличения утвержденных цифр, наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД обязаны» были предоставить народному комиссару внутренних дел СССР «соответствующие мотивированные ходатайства»⁴³.

Надо заметить, что наркомы НКВД республик и начальники УНКВД краев и областей воспользовались своим правом на «мотивированные ходатайства» об увеличении «плановых заданий» в отношении лиц, подлежавших репрессиям, а вот правом на «уменьшение цифр» — нет. Так, в шифртелеграмме начальника УНКВД по Омской области Г. Ф. Горбача Н. И. Ежову от 15 августа 1937 года сообщалось о том, что «по состоянию на 13 августа... по первой категории арестовано 5444 человека»⁴⁴. Г. Ф. Горбач просил увеличить «ориентировочную» цифру по первой категории с 1000 до 8000 человек. Видимо, этот документ был направлен Н. И. Ежовым И. В. Сталину (обычная практика тех лет), который своей рукой наложил резолюцию: «Т. Ежову. За увеличение лимита до 8 тысяч. И. Сталин»⁴⁵. Было увеличено «плановое задание» УНКВД Красноярского края, которому первоначально установили совсем «ничтожную» цифру ликвидации «врагов народа» по первой категории — 750 человек⁴⁶. 20 августа И. В. Сталин и В. М. Молотов «исправили» ошибку, расширив «лимит» на 6600 человек⁴⁷. 28 августа Постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) был увеличен лимит тройке по Оренбургской области — с 1500

---

⁴² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 276–277.

⁴³ Там же. С. 277.

⁴⁴ В Омской области, как уже упоминалось, аресты начались еще в июле 1937 года // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 322, 644.

⁴⁵ Там же. С. 322.

⁴⁶ Там же. С. 275.

⁴⁷ Там же. С. 325.

до 3500 человек по первой категории⁴⁸. По выборочным данным за период с конца октября по декабрь 1937 года по шифротелеграммам с мест Н. И. Ежов утвердил дополнительно репрессирование 68 тысяч человек по первой категории и 47 тысяч по второй категории⁴⁹. Таким образом, в 1937 году должно было быть репрессировано около 380 тысяч человек⁵⁰, фактически — в два раза больше⁵¹. Дополнительно к разнарядкам 1937 года, с 31 января по 29 августа 1938 г. Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило лимиты на репрессирование еще почти 150 тыс. человек по обеим категориям⁵². Быстротечный конвейер репрессий разрушил некую первоначальную «плановость» заданий на разоблачение «врагов народа» и постепенно процесс согласования увеличения «лимитов» с центром для местной элиты НКВД утратил свою актуальность.

Уже 8 сентября 1937 года в своем спецсообщении Н. И. Ежов проинформировал И. В. Сталина о первых итогах операции по репрессированию антисоветских элементов. Меньше чем за месяц реализации приказа № 00447, по состоянию на 1 сентября 1937 года «было арестовано 146 225 человек»⁵³, т. е. 54,37 % от общего числа изначально подлежащих репрессиям⁵⁴. Из них было осуждено «тройками» — к расстрелу 31 530 и к заключению в лагеря и тюрьмы 13 669 человек⁵⁵.

«Тройки» были главным инструментом массовых политических репрессий в 1937–1938 годах. Они рассматривали дела заочно, в ускоренном порядке, одновременно «пропуская» десятки, сотни дел, по которым могли проходить тысячи заранее обреченных человек. Так, только 20 ноября 1937 года

---

⁴⁸ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 276, 330.

⁴⁹ Там же. С. 651.

⁵⁰ Там же. С. 275, 276, 651 (расчет наш — С. К.).

⁵¹ Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. М., 2000. С. 316 (расчет наш — С. К.).

⁵² Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 190–191.

⁵³ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 337.

⁵⁴ Там же. С. 275, 276, 337 (расчет наш — С. К.).

⁵⁵ Там же. С. 337.

«тройкой» УНКВД по Краснодарскому краю было рассмотрено 1252 уголовных дела. Проходившие по ним лица необоснованно обвинялись в том, что якобы являлись активными участниками различного рода контрреволюционных, повстанческо-диверсионных и террористических организаций, занимавшихся подготовкой на Кубани вооруженного восстания против Советской власти, а также в проведении среди населения контрреволюционной, пораженческой агитации и распространении провокационных слухов⁵⁶.

Если предположить, что «тройка» работала без перерыва все 24 часа, то на одно дело было затрачено чуть больше одной минуты. Фактически — несколько секунд.

Через год этой же «тройкой» — 1 ноября 1938 года было вынесено 619 смертных приговоров⁵⁷.

С 5 августа 1937 года и до середины ноября 1938 года «тройками» НКВД-УНКВД было осуждено не менее 800 тысяч человек, половина из которых — к расстрелу⁵⁸. 800 тысяч человек — это почти 60 % от общего числа репрессированных в эти годы по политическим мотивам⁵⁹. Остальная часть осужденных за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления приходилась на иные внесудебные органы (Особое совещание при народном комиссариате внутренних дел СССР, военные трибуналы и суды)⁶⁰. Только Военной коллегией Верховного Суда СССР и ее выездными сессиями в 60 городах СССР с 1 октября 1936 по 30 сентября 1938 года было осуждено 36 157 человек, из них к расстрелу — 30 514 человек или 84,39 %⁶¹. Особая жестокость приговоров

---

⁵⁶ Кубанские новости. 1992. 20 февраля.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Узницы «АЛЖИРа». М., 2003. С. 9.

⁵⁹ Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. С. 318 (расчет наш — С. К.).

⁶⁰ О деятельности в 1937–1938 гг. судов и военных трибуналов см. подробнее: *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М., 1998. С. 229, 230, 238, 239, 252; *Попов В. П.* Государственный террор в Советской России, 1923–1953 гг. (источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 28; *Муранов А., Звягинцев В.* Суд над судьями (особая папка Ульриха). Казань, 1993 и др.

⁶¹ *Кропачев С. А.* Хроники коммунистического террора. Трагические фрагменты новейшей истории Отечества. События. Масштабы. Комментарии. Ч. 1. 1917–1940 гг. Краснодар, 1995. С. 48.

Военной коллегии, работавшей в эти годы под председательством В. Ульриха, объяснялась тем, что ей поручали дела в отношении наиболее известных и в прошлом авторитетных «врагов народа», оставляя в живых которых в тех условиях было никак нельзя.

Параллельно с цунами разоблачений, арестов и осуждений «врагов народа», страну в 1937–1938 гг. накрыла волна преследований членов их семей. В отношении жен и детей «осужденных изменников родины» были приняты такие же жестокие меры, что и к мужьям и отцам.

5 июля 1937 года, через три дня после принятия постановления Политбюро от 2 июля «Об антисоветских элементах», положившего начало наиболее массовой террористической акции тех лет, выходит еще одно постановление под размытым названием «Вопрос НКВД». В нем говорилось:

«1. Принять предложение Наркомвнудела о заключении в лагеря на 5–8 лет всех жен осужденных изменников родины членов правотроцкистской шпионско-диверсионной организации, согласно представленному списку.

3. Установить впредь порядок, по которому все жены избалованных изменников родины правотроцкистских шпионов подлежат заключению в лагеря не менее, как на 5–8 лет.

4. *Всех* оставшихся после осуждения детей-сирот до 15-летнего возраста взять на государственное обеспечение, что же касается детей старше 15-летнего возраста, о них решать вопрос индивидуально.

5. Предложить Наркомвнуделу разместить детей в существующей сети детских домов и закрытых интернатах наркомпросов республик»⁶².

Этот короткий и очень страшный документ предрешил судьбы *всех* жен и детей «врагов народа»⁶³. В оперативном

---

⁶² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 238–239.

⁶³ Подробный анализ документов 1930-х годов в отношении ЧСИР см.: *Рогинский А., Даниэль А. «Аресту подлежат жены» // Узницы «АЛЖИРа». С. 6–30.*

приказе НКВД № 00447 от 30 июля 1937 года в отношении семей «изменников родины» говорилось следующее:

«Семьи приговоренных по первой и второй категории, как правило, не репрессируются.

Исключение составляют:

а) Семьи, члены которых способны к активным антисоветским действиям. Члены такой семьи, с особого решения тройки, подлежат водворению в лагеря или трудпоселки.

б) Семьи лиц, репрессированных по первой категории, проживающие в пограничной полосе, подлежат переселению за пределы пограничной полосы внутри республик, краев и областей.

Все семьи лиц, репрессированных по первой и второй категориям, взяты на учет и установить за ними систематическое наблюдение»⁶⁴.

Из двух относительно небольших пунктов второго раздела пространного «кулацкого приказа» следовало, что семьям не избежать участи «врагов народа». Именно для этого все они брались на учет, и за ними устанавливалось систематическое наблюдение.

Наконец, 15 августа 1937 года вышел приказ НКВД СССР № 00486 «Об операции по репрессированию жен и детей изменников родины»⁶⁵. Он определял порядок ареста или ограничения в правах жен и детей «врагов народа».

Современная историческая литература дает лишь приблизительный ответ на вопрос о количестве репрессированных ЧСИРов. 5 октября 1938 года нарком внутренних дел СССР Н. И. Ежов и его заместитель Л. П. Берия обратились к И. В. Сталину с запиской, в которой сообщалось, что всего на основании приказа № 00486 «по неполным данным репрессировано свыше 18 000 жен арестованных предателей, в том числе по Москве свыше 3000 и по Ленинграду около 1500»⁶⁶.

---

⁶⁴ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 277.

⁶⁵ Впервые текст приказа был опубликован: Мемориал-Аспект. 1993. № 2/3. Его подробный анализ и воплощение в жизнь см.: *Рогинский А., Даниэль А.* Указ соч. С. 12–30.

⁶⁶ Там же. С. 22.

По состоянию на 29 января 1939 года было «изъято» по СССР 25 342 ребенка⁶⁷. Таким образом, менее чем за полтора года по стране было репрессировано, по крайней мере, не менее 43 тысяч жен и детей.

Приказы НКВД СССР № 00447 и № 00486, а также подобные документы, изданные и реализованные в 1937–1938 годах, породили в обществе атмосферу страха, безысходности, двойной морали, доносительства, шпиономании. Всюду шел поиск «врагов народа», «шпионов иностранных разведок». «Лимиты» на арест «изменников родины», утверждавшиеся в центре, служили для местных органов НКВД руководством к действию, но на практике они не всегда регулировали процесс разоблачения «врагов народа». Людей арестовывали по формальным поводам и без них. В органах НКВД шло своеобразное «соцсоревнование» за наибольшее выявление в данном районе, городе, области, крае, республике «врагов народа». Особый, упрощенный порядок ведения дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти, действовавший с 1 декабря 1934 года и аналогичный порядок по делам о вредительстве и диверсиях, введенный 14 сентября 1937 года⁶⁸, фактически неограниченные полномочия «троек», заочно осуждавших десятки, сотни тысяч «контрреволюционеров», привлекательный образ всемогущего наркомвнудельца, рисовавшийся и тиражировавшийся средствами массовой информации привели к тому, что НКВД на каком-то этапе вышло из-под контроля, даже Политбюро ЦК ВКП (б). Масштабы борьбы против «врагов народа» превзошли все ожидания, пресловутые «плановые задания» были многократно перевыполнены. Самые масштабные репрессивные акции «большого террора», проведенные в 1937–1938 годах, привели к огромным жертвам и необратимым последствиям.

Сохранились многочисленные документальные и эмоциональные свидетельства о разыгравшейся в те годы средневековой трагедии. Обратимся к фактам, приведенным

---

⁶⁷ Рогинский А., Даниэль А. Указ соч. С. 24.

⁶⁸ Курицын В. М. 1937 год: истоки и практика культа // Реабилитирован посмертно. Вып. 1, 2. М., 1989. С. 30.

в Информации от 30 января 1938 года и.о. прокурора Краснодарского края Востокова на имя Прокурора СССР Вышинского: «... по Краснодарскому краю репрессировано по 1-й и 2-й категориям свыше 20 000 человек⁶⁹, члены семейств которых теперь... обращаются в краевую прокуратуру. Поток жалобщиков имеет тенденцию к постоянному увеличению и обещает в феврале-марте возрасти до больших размеров.

В тюрьмах края содержится под стражей 16 860 человек, при лимите в 2760 чел., налицо исключительная перегрузка, имело место уже появление инфекционных заболеваний заключенных в Краснодарской, Армавирской и Майкопской тюрьмах (сыпной и брюшной тиф)»⁷⁰. Далее и.о. прокурора края Л. А. Востоков пишет о том, что около тюрем в Краснодаре, Армавире, Новороссийске скапливалось большое количество родственников, пытавшихся узнать что-либо о судьбах заключенных, передать им одежду и продукты, получить свидание. Толпы людей не рассеивались даже ночью. Некоторые жили около тюрем по несколько дней. Складские помещения в Краснодарской тюрьме и почтамте были забиты посылками, адресованными заключенным⁷¹. Спустя шесть месяцев после начала операции по репрессированию антисоветских элементов, краевой чиновник рисует фактически картину стихийного бедствия. В тюрьмах края находилось заключенных в шесть раз больше, чем в них мест. Тысячи родственников готовы были ночевать у тюрем, лишь бы узнать хоть какую-то информацию о судьбах своих близких.

Наряду с репрессиями в отношении «врагов народа», членов их семей, в 1937–1938 годах были проведены так называемые национальные операции, имевшие своей целью борьбу с «пятой колонной». Преследованию подверглись, прежде всего, представители национальностей, чья историческая

---

⁶⁹ В Азово-Черноморском крае, вскоре разделенном на Краснодарский край и Ростовскую область, по приказу № 00447 должно было быть репрессировано по 1 и 2 категориям 13 000 человек // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 275.

⁷⁰ Краснодарский край в 1937–1941 гг. Документы и материалы. Краснодар, 1997. С. 691–692.

⁷¹ Там же. С. 692.

родина представляла для СССР угрозу и опасность, а также сопредельных с ней стран. Одной из первых и самой массовой стала «польская» операция. 11 августа 1937 года оперативный приказ НКВД СССР № 00485 санкционировал проведение операции против «польской разведки»⁷². В 1937–1938 годах было репрессировано около 140 тысяч поляков или граждан, имевших какие-либо связи с Польшей⁷³. Еще одна широкомасштабная операция — «немецкая» — началась в июле 1937 года. Оперативный приказ НКВД СССР № 00439 от 25 июля 1937 года предписывал арестовать *всех* немцев, работавших на оборонных заводах⁷⁴. Затем в репрессивной практике преследованиям подверглись десятки тысяч немцев, трудившиеся в различных сферах и проживавших на всей территории СССР. По «немецкой» национальной операции было осуждено в 1937–1938 годах 37,7–38,3 тысячи немцев⁷⁵.

В 1935 году советское правительство продало Манчжоу-Го Китайско-Восточную железную дорогу. Многие рабочие и служащие, обслуживавшие КВЖД, вернулись в СССР. Органы госбезопасности активно вели их разработку. В оперативной отчетности они проходили как харбинцы, т. к. г. Харбин, построенный вместе с железной дорогой в Маньчжурии, являлся центром китайской провинции и железнодорожным узлом, где работало большинство советских специалистов⁷⁶. 20 сентября 1937 года вышел Оперативный приказ НКВД СССР № 00593, направленный против «террористической диверсионной и шпионской деятельности японской агентуры из так называемых харбинцев»⁷⁷. В 1937–1938 годах практически

---

⁷² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 301–303.

⁷³ Там же. С. 648; О «польской» операции подробнее см.: *Петров Н. В., Рогинский А. Б.* «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997, С. 22–39.

⁷⁴ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 270–272.

⁷⁵ *Охотин Н., Рогинский А.* Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. М., 1999. С. 71.

⁷⁶ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 650–651.

⁷⁷ Там же. С. 366.

все харбинцы были арестованы и репрессированы по обвинению в шпионаже в пользу Японии. В эти годы в СССР было арестовано 52 906 «японских шпионов»⁷⁸.

Наряду с операциями против поляков, немцев, харбинцев, проводились и другие национальные репрессивные акции. Перечислим национальности, подвергшиеся гонениям в 1937–1938 гг.: финны, латыши, эстонцы, румыны, греки, иранцы, иранские армяне, болгары, китайцы, македонцы, чехи, афганцы⁷⁹.

Всего по национальным операциям с августа 1937 по октябрь 1938 года было осуждено 366 тысяч человек, из них приговорено к высшей мере наказания — 173 тысячи⁸⁰.

В 1937 году была осуществлена первая⁸¹ накануне Великой Отечественной войны крупномасштабная депортация. Постановлениями Политбюро ЦК ВКП (б) от 21 августа и 23 сентября 1937 года была решена судьба корейцев, которых насильственно переселяли в Казахстан и Узбекистан с целью «пресечения проникновения японского шпионажа в ДВК»⁸². По состоянию на 25 октября 1937 года из Дальневосточного края было выселено 124 эшелона с корейцами в составе 36 442 семей, 171 781 человек⁸³.

Как видно из приведенных фактов, «волны»⁸⁴ репрессий захлестнули всю страну. Никто не был застрахован

---

⁷⁸ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 660.

⁷⁹ Там же. С. 660; Мемориал-Аспект. 1993. № 1. С. 2.

⁸⁰ Там же; Есть и другие оценки результатов проведения национальных операций — почти 350 тысяч репрессированных // *Рогинский А., Даниэль А.* Указ. соч. С. 9.

⁸¹ В 1935–1937 гг. из приграничных районов СССР было депортировано 23 217 финнов (Ленинградская область и Карелия), 69 283 поляка (УССР) и 4280 курдов (Армения, Азербайджан и др.) // *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 78–82.

⁸² *Лубянка.* Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 325, 326, 376.

⁸³ Там же. С. 651.

⁸⁴ В. Н. Земсков разделил репрессированных по политическим мотивам в 1937–1938 гг. на обладающие общими признаками группы — «блоки» — «традиционный блок», «крестьянско-эсеровский блок» и «национальный

от преследований. Во второй половине 1938 года в обществе бытовало мнение, что в СССР только пять человек, которым не страшна «ежовщина» (И. В. Сталин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович и Н. И. Ежов)⁸⁵. Правда, Н. И. Ежова, в конце концов, расстреляли, а у некоторых членов «пятерки» в ходе репрессий пострадали близкие.

Террор был остановлен постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об аресте, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 года, в котором формально многое в деятельности НКВД подвергалось критике.

Огромны были масштабы государственного террора. По имеющейся статистике, с 1921 по 1940 гг. за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления было осуждено 3 080 574 человека, из них — 1 344 923 — в 1937–1938 гг. или 43,66 %⁸⁶. Т. е. за два «рекордных» года было осуждено «контрреволюционеров» почти столько же, сколько за предыдущие и последующие восемнадцать лет. Из общего количества осужденных — 1 344 923 человек — к высшей мере наказания было приговорено 681 692 или 50,69 %⁸⁷.

Каждый второй из осужденных по политическим мотивам в 1937–1938 гг. был расстрелян⁸⁸.

«Население» лагерей, колоний и тюрем в эти годы заметно выросло. Только за 1937 год количество всех заключенных (уголовных и политических) в ИТЛ и ИТК ГУЛАГа увеличилось на 685 201 человек⁸⁹. Доля заключенных, осужденных за контрреволюционные преступления, в 1937–1938 гг.

блок». См.: Заключенные в 1930-е годы: социально-демографические проблемы // Отечественная история. 1997. № 4. С. 60.

⁸⁵ Там же. С. 61.

⁸⁶ Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. С. 316–317.

⁸⁷ Там же. С. 318.

⁸⁸ В литературе встречаются и иные оценки количества расстрелянных. Недавняя публикация журнала «Мемориал», например, называет более 750 тысяч человек, казненных в 1937–1938 гг. // Мемориал. 2004. № 28. С. 36.

⁸⁹ Земсков В. Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 152.

существенно возросла и составила на 1 января 1939 года только по ИТЛ 34,5 % от общей численности отбывавших наказание⁹⁰.

По состоянию на январь 1939 года в ИТЛ, ИТК и тюрьмах насчитывалось 2 022 976 заключенных⁹¹.

Не всегда абсолютные цифры дают представления об истинных масштабах того или иного явления. Обратимся к цифрам относительным. В 1937 и 1939 годах в СССР были проведены, как известно, переписи населения⁹². Всесоюзная перепись населения 1937 г. насчитала 162 млн человек, что не совпадало с официальными прогнозами и ожиданиями⁹³. Она была объявлена дефектной. По официальным данным перепись 1939 г. зафиксировала на территории СССР 170,5 млн человек⁹⁴. Большинство современных авторов подвергают сомнению достоверность данных переписи 1939 года. Оценка фактической численности населения СССР колеблется в диапазоне от 167,6 до 168,9 млн человек⁹⁵. Возьмем за точку отсчета самые оптимистические из них по состоянию на январь 1939 года, когда «большой террор» резко пошел на убыль, — 168,9 млн человек. За 1937–1938 гг. было репрессировано по политическим мотивам 0,8 % от общего числа населения СССР и 1,3 % по отношению к взрослому населению⁹⁶.

---

⁹⁰ *Земсков В. Н.* Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 152.

⁹¹ Там же. С. 152–153; В. Б. Жиромская называет цифру в 3,4 млн человек (вместе с охраной) // *Жиромская В. Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 45.

⁹² Об этом подробнее см.: *Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А.* Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937. М., 1996; Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991; Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М., 1992; *Жиромская В. Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001 и др.

⁹³ *Жиромская В. Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 48.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же. С. 48–49; Большая Российская энциклопедия. Россия. М., 2004. С. 155.

⁹⁶ *Земсков В. Н.* Заключенные в 1930-е годы: социально-демографические проблемы // Отечественная история. 1997. № 4. С. 60; Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. С. 318.

Это огромное количество. В 1937–1938 гг. были расстреляны 680 тысяч человек по обвинению в совершении политических преступлений, что равно населению трех таких городов как Краснодар⁹⁷.

Следует иметь в виду, что были репрессированы мужчины и женщины в трудоспособном возрасте, многие из которых имели высокую квалификацию, опыт профессиональной деятельности в значимых сегментах экономики, армии, сфере хозяйственного и политического управления⁹⁸.

В 1937–1938 гг. подверглись аресту по обвинению в политических преступлениях 1 575 259 человек⁹⁹. Среди них было относительно немного ЧСИРов. Но и те из них, кто не был арестован, осужден, в полной мере испытали на себе пресс государственного репрессивного механизма. Члены семей «изменников родины» подверглись серьезным политическим, экономическим, социальным и моральным ограничениям и дискриминациям. Клеймо ЧСИРа до конца жизни довлело над невинными людьми и перешло по наследству к их детям. Всех их с полным правом можно отнести к репрессированным или как минимум — к пострадавшим. Если принять во внимание, что по Всесоюзной переписи населения 1939 г. наибольшее распространение в СССР получили семьи, состоящие из 2–3 человек¹⁰⁰, то количество тех, кто реально пострадал от репрессий, мы можем, по крайней мере, удвоить. Не говоря уже о родителях и других близких родственниках репрессированных, помимо их жен (мужей) и детей.

Рассуждения о масштабах политических репрессий будут неполными и незаконченными, если мы не попытаемся хотя бы в общих чертах проанализировать цели «большого террора» и его последствия.

---

⁹⁷ Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. С. 318; Краснодарский край в 1937–1941 гг. Документы и материалы. С. 100.

⁹⁸ На 1 марта 1940 г. среди заключенных ГУЛАГа преобладали мужчины (93 %) в возрасте 22–40 лет (63,6 %) // Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. С. 189.

⁹⁹ Там же. С. 318.

¹⁰⁰ Там же. С. 188.

На наш взгляд, существуют две большие причины, по которым был развязан политический террор в 1937–1938 годах. Во-первых, террор был направлен против лиц, отдельных категорий и групп граждан, которые могли представлять гипотетическую угрозу для Сталина или его строя. Истребление потенциальной «пятой колонны» стало важным условием подготовки страны «по-Сталински» к предстоящей войне. Во-вторых, массовые политические репрессии образца 1937–1938 года завершили формирование жестокого тоталитарного режима в СССР. С помощью террора большевики решали сложные политические, экономические, социальные, национальные, культурные и иные проблемы. Он стал инструментом нагнетания в обществе страха, который держал людей в повиновении, исключил возможность организации сопротивления. Террор и страх явились методами конструирования нового советского человека, которому были привиты гены управляемости, единомыслия, идеологической зашоренности.

Массовые политические репрессии 1937–1938 годов имели для жизни общества и государства серьезные негативные последствия, некоторые из которых проявляются до сих пор. Укажем наиболее важные из них.

Террор нанес огромный урон всем сферам жизни общества. Произволу подверглись сотни тысяч ни в чем не повинных людей. Репрессии обезглавили промышленность, армию, сферу образования, науки, культуры. Пострадали партийные, комсомольские, советские, правоохранительные органы¹⁰¹. В Красной Армии накануне Великой Отечественной войны было незаконно репрессировано около 40 тысяч офицеров¹⁰².

---

¹⁰¹ Последние были напрямую причастны к осуществлению массового террора, политике государственного произвола и беззакония.

¹⁰² За 1418 дней и ночей Великой Отечественной войны Красная Армия потеряла 180 человек высшего состава от командира дивизии и выше (112 командиров дивизий, 46 командиров корпусов, 15 командующих армиями, 4 начальника штаба фронта и 3 командующих фронтами), а за несколько предвоенных лет (в основном в 1937 и 1938 гг.) было по надуманным сфабрикованным политическим обвинениям арестовано и опозорено более 500 командиров в звании от комбрига до Маршала Советского Союза,

В годы «большого террора» была «опробована» политика массового насильственного переселения. Первыми ее жертвами стали корейцы, а в последующие годы — десятки депортированных народов.

Политический террор имел ярко выраженный экономический аспект. Все крупные промышленные объекты первых пятилеток сооружались с использованием дешевого, принудительного труда заключенных, в том числе и политических. Без применения рабской силы невозможно было вводить в среднем 700 предприятий в год¹⁰³.

В 1920–1950-е годы через лагеря, колонии, тюрьмы и иные места лишения свободы прошли десятки миллионов человек¹⁰⁴. Только в 1930-х годах в места заключения, ссылку и высылку было направлено около 2 млн человек, осужденных по политическим мотивам¹⁰⁵. Субкультура уголовного мира, его ценности, приоритеты, язык были навязаны обществу.

То, что определяло атмосферу общества 1937–1938 годов — государственное беззаконие и произвол, страх, двойная мораль, единомыслие — не в полной мере преодолены и сегодня.

из них 29 умерли под стражей, а 412 расстреляны // *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА. 1937–1938. М., 1998. С. 317.

¹⁰³ Об этом подробнее см.: *Эбеджанс С. Г., Важнов М. Я.* Производственный феномен ГУЛАГа // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 188–190; *Трус Л. С.* Введение в лагерную экономику // Экономика и организация промышленного производства. 1990. № 5; *Кропачев С. А.* ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны: экономический аспект // Вклад кубанцев в победу над фашизмом. Краснодар, 1996; *Хлевнюк О.* Принудительный труд в экономике СССР. 1929–1941 годы // Свободная мысль. 1992. № 13; *Он же.* 1937-й. Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992; *Он же.* Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 30–50-е годы XX в.: проблемы и источники // Исторические записки. Вып. 5 (123). М., 2002. С. 43–68; Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны, 1930-е годы. М., 1998; *Еланцева О. А.* БАМ: первое десятилетие // Отечественная история. 1994. № 6. С. 89–103 и др.

¹⁰⁴ Об этом подробнее см.: Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. С. 311–330; Т. 2. С. 182–196.

¹⁰⁵ Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. С. 317–318.

1.2. Погибшие на войне в официальной и народной памяти

Важнейшее значение для оценки любой войны имеют ее результаты, ее цена. В ней, как в фокусе, сосредоточена вся война. От предпосылок, масштабов, последствий и влияния на последующее развитие страны и мира. Исходя из того, что Вторая мировая и Великая Отечественная войны занимают особое место в истории XX века, выявление истинных масштабов потерь является не только важнейшей научной, нравственной задачей, но и политической проблемой. Пока они не будут решены, историю войны нельзя считать исследованной.

После окончания Великой Отечественной войны, ее огромные жертвы тщательно скрывались. Нельзя сказать, что о них в СССР не упоминалось совсем. Некоторые Приказы и Обращения Верховного Главнокомандующего содержали «дежурную» фразу «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!»¹⁰⁶. Но признать реальные потери, это значит признать неэффективность сталинского руководства армией и страной в годы войны. Слава «великого полководца» во многом держалась на умолчании огромных жертв войны, мифологизации ее истории, миллионы раз повторенной нелепой мысли о советских солдатах, павших в боях, как о вкладе СССР в обеспечении победы над врагом. Непомерные жертвы войны — это великое народное горе, это преступные деяния Сталина и его окружения, но отнюдь не доблесть и слава.

Аналитически мыслящие люди о цене победы задумывались давно. 25 июня 1945 года, на другой день после Парада Победы на Красной площади известный советский режиссер А. Довженко с горечью отметил в своем дневнике, что при упоминании о погибших в «торжественной и грозной речи» Г. К. Жукова «не было ни паузы, ни траурного марша, ни молчания. Как будто бы эти миллионы жертв и героев совсем не жили. Перед великой их памятью, перед кровью и муками не встала площадь на колени, не задумалась, не вздохнула,

---

¹⁰⁶ *Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза.* Изд. 5-е. М., 1950. С. 147, 191, 194 и др.

не сняла шапки»¹⁰⁷. Еще в начальный период войны Довженко писал о «тяжелой, кровавой и дорогой победе». Имея в виду низкое «качество» войны, он замечал: «Не было у нас культуры жизни — нет культуры войны»¹⁰⁸.

Важным итогом окончания войны является публикация поименных списков погибших и плененных. После первой мировой войны такие сведения были опубликованы¹⁰⁹. При сталинском режиме не были обнародованы данные о потерях у озера Хасан, реки Халхин-Гол и в советско-финской войне 1939–1940 годов. Они появились намного позже, в годы горбачевской перестройки¹¹⁰.

В марте 1946 года И. Сталин дал интервью корреспонденту «Правды» по поводу речи У. Черчилля в Фултоне. Он заявил: «В результате немецкого вторжения Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на немецкую каторгу около семи миллионов человек. Иначе говоря, Советский Союз потерял людьми в несколько раз больше, чем Англия и Соединенные Штаты Америки, вместе взятые. Возможно, что кое-где склонны предать забвению эти колоссальные жертвы советского народа, обеспечившие освобождение Европы от гитлеровского ига. Но Советский Союз не может забыть о них»¹¹¹.

Сталин, мимоходом вычеркнувший не менее 20 млн советских граждан из числа погибших, о которых он не мог не знать, фактически объявил о решении этой проблемы. Но мы знаем, что она до конца не решена и сегодня. При Сталине наметились следующие линии фальсификаций, направленные на сокрытие истинных масштабов жертв войны, — преуменьшение потерь СССР и явное, без ссылок на исторические источники, преувеличение потерь противника; подмена

---

¹⁰⁷ Правда. 1989. 11 сентября.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ См.: Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий мировой войны. М., 1923.

¹¹⁰ См., например, Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 213; Гриф секретности снят: потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 125 и др.

¹¹¹ Сталин И. В. Сочинения. 1946–1952. Т. 16. М., 1997. С. 27.

категории «убитые», категорией «безвозвратно потерянные»; признание жертв лишь на поле боя и западнее линии фронта¹¹²; игнорирование таких категорий погибших, как заключенные ГУЛАГ а, представители депортированных народов, военнопленные на территории СССР и за его пределами, партизаны, подпольщики, «восточные рабочие» и другие.

При Сталине и позднее не ставился вопрос об ответственности за непомерную цену, заплаченную за победу в войне. Единственным ответственным за жертвы признавался фашистский агрессор. Не рассматривался, даже не ставился вопрос об ответственности сталинского режима за огромные жертвы в войне. И только один раз И. Сталин сделал попытку признать свои ошибки. 24 мая 1945 года на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии он поднял тост за здоровье русского народа. Сталин заявил: «У нашего правительства было не мало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города... Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии»¹¹³. Но и в данном случае Сталин был искренним не до конца. Он напрямую не сказал о своих собственных ошибках, не нашел мужества признать ответственность за поражения начального периода войны, а свалил все на Правительство. Это оно допустило просчеты в годы войны, а не Сталин. Последний словно дистанцировался от правительства, в которое, не смотря ни на что, терпеливый русский народ верил.

Наши солдаты погибали не только от рук врага. Уже 16 августа 1941 г. Сталин подписал Приказ № 270 Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии, который

---

¹¹² Об этом см.: *Мерцалов А., Мерцалова Л.* Сталинизм и война. М., 1998. С. 374–375.

¹¹³ *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 196–197.

механически относил всех попавших в плен к предателям Родины. Текст Приказа требовал от окруженных «сражаться до последней возможности», а если они «предпочтут сдаться... в плен — уничтожить их всеми средствами, как наземными, так и воздушными»¹¹⁴. Жестокая кара грозила и родным попавших в плен: семьи командного состава должны были подвергаться аресту, а семьи красноармейцев лишались «государственного пособия и помощи»¹¹⁵. 17 ноября 1941 года выходит Приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 0428, в котором частям ставились задачи «разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог.

Для уничтожения населенных пунктов в указанном радиусе немедленно бросить авиацию, широко использовать артиллерийский и минометный огонь, команды разведчиков, лыжников и подготовленные диверсионные группы, снабженные бутылками с зажигательной смесью, гранатами и подрывными средствами»¹¹⁶. В одной из таких диверсионных групп оказалась 3. Космодемьянская, ставшая одним из символов мужества в годы войны. Во исполнение этого чудовищного Приказа были сожжены тысячи населенных пунктов, огромное количество советских людей остались без крова. Только в полосе действия 5 армии Западного фронта к 25 ноября 1941 года нашими войсками было полностью или частично сожжено и разрушено 53 населенных пункта¹¹⁷.

Вот как об этой трагедии вспоминал генерал армии Н. Г. Лященко, который в конце 1941 года командовал полком: «Стояли в обороне. Перед нами виднелись два села, как сейчас помню, Банновское и Пришиб. Из дивизии пришел приказ: сжечь села в пределах досягаемости. Когда я в землянке

---

¹¹⁴ Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. М., 1992. С. 257–258.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же. С. 211.

¹¹⁷ Там же. С. 213–214.

уточнял детали, как выполнить приказ, неожиданно, нарушив всякую субординацию, вмешался пожилой боец-связист:

— Товарищ майор! Это мое село... Там жена, дети, сестра с детьми... Как же это — жечь? Погибнут ведь все!

— Ты чего не в свое дело лезешь? Разберемся, — оборвал его я.

Отправив сержанта, стали мы со своими комбатами думать, что делать. Помню, приказ я назвал “дурацким”, за что едва не поплатился, ведь приказ-то был сталинский, но спасли от особистов командующий армией Р. Я. Малиновский и член Военного Совета И. И. Ларин. А села эти мы на другое утро с разрешения командира дивизии Заморцева взяли. Обошлось без пожара...»¹¹⁸.

Еще один страшный документ, продиктованный Сталиным в начальный период войны: «Командующему Калининским фронтом. 11 января 42 г. 1 ч 50 мин. № 170007.

...В течение 11 и ни в коем случае не позднее 12 января овладеть г. Ржев... Ставка рекомендует для этой цели использовать имеющиеся в этом районе артиллерийские, минометные, авиационные силы и громить всю город Ржев, не останавливаясь перед серьезными разрушениями города.

Получение подтвердить, исполнение донести. И. Сталин»¹¹⁹.

Сталин, который несет ответственность за поражения нашей армии в начальный период войны, демонстрирует в этих и многих других документах свою волю, беспощадность, решимость, полководческую непреклонность. Он, не колеблясь, готов все спалить, «громить всю», разрушить, уничтожить. Возможные жертвы мирного населения его не останавливают.

Война, как известно, беспощадна. Но Сталин на протяжении всех ее лет военной целесообразности противопоставлял бездумную жестокость, никогда не жалея своих людей.

Особенно масштабно это проявилось летом 1942 года, когда на южном крыле советско-германского фронта создалась катастрофическая для РККА обстановка. 28 июля 1942 года

---

¹¹⁸ Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина // Октябрь. 1989. № 8. С. 64.

¹¹⁹ Там же. С. 65.

Сталиным был подписан Приказ Народного комиссара обороны Союза ССР № 227, получивший название «Ни шагу назад!»¹²⁰. В Приказе была обнародована горькая правда о поражениях советских войск летом 1942 года. Сталин объявил ответственными за это «паникеров и трусов». Просчеты военного руководства и безграмотность самого Сталина в качестве объяснений катастроф нашей армии в Приказе не фигурировали. В нем были предусмотрены жестокие меры против «паникеров»: создание «в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом)», которым поручалось расстреливать отступающих на месте. В каждом фронте формировались «от одного до трех штрафных батальонов» для средних и старших командиров, а в каждой армии «от пяти до десяти... штрафных рот» для рядовых бойцов и младших командиров. Солдаты и офицеры штрафных частей обязаны были «кровью смыть свою вину» за нарушения «дисциплины по трусости и неустойчивости»¹²¹.

Штрафники, о судьбах которых сегодня вышло немало исследований¹²², также являются неоправданными жертвами войны. Штурмывая безымянные высоты, населенные пункты с винтовками наперевес, неся огромные потери, они увеличивали скорбный урожай военных лет.

Отношение к «человеческому материалу» у сталинского руководства не изменилось и по прошествии нескольких военных лет. Многочисленные неоправданные жертвы приносились на алтарь победы не только в 1941–1943 годах. Освобождая Польшу, Советский Союз только убитыми потерял более 600 тысяч человек. В апреле-мае 1945 года в Берлине погибло свыше 100 тысяч советских солдат и офицеров.

---

¹²⁰ 1418 дней войны. Из воспоминаний о Великой Отечественной. М., 1990. С. 223–226.

¹²¹ Там же. С. 225–226.

¹²² *Емелин А.* Штрафные батальоны (К истории создания военных формирований в годы Великой Отечественной войны) // Преступление и наказание. 1992. № 6; *Дайнес В.* Штрафбаты и заградотряды Красной Армии. М., 2008; *Пыльцын А.* Правда о штрафбатах: Как офицерский штрафбат дошел до Берлина. М., 2008; *Пыхалов И., Пыльцын А., Васильченко А.* Штрафбаты по обе стороны фронта. М., 2007 и др.

В конце войны это были абсолютно неоправданные жертвы. Но для Сталина на первом плане стояли политические аспекты, а на последнем — жизни своих соотечественников.

В годы войны начала формироваться система героических символов. Они были необходимы, во-первых, в качестве образца для массового подражания, во-вторых, для поддержания морального духа народа и воинов на фронтах. Судьба этих символов столь же сложна, как и судьба их героев-прототипов. Например, подвиг Александра Матросова власти подали в выгодном для себя свете. Герой своим телом закрыл амбразуру дзота, обеспечив наступление своих товарищей. А. Матросов, воспитанник колонии для несовершеннолетних, действительно совершил подвиг. Но если бы у него были гранаты, он забросал ими огневую точку противника и, возможно, остался бы жив. Но для пропаганды самым важным было бить врага, любой ценой, даже без оружия. Сотни героев в годы войны повторили подвиги Николая Гастелло и Александра Матросова.

Одним из ярких символов периода войны был подвиг 28 героев-панфиловцев. Впервые об этом написала газета «Красная Звезда» в ноябре 1941 года. Авторами этих сообщений были фронтовой корреспондент Коротеев и литературный секретарь газеты Кривицкий. Как известно, бойцы 316-й стрелковой дивизии генерала И. В. Панфилова, оборонявшей Волоколамское шоссе, приняли неравный бой с немецкими танками у разъезда Дубосеково. Подробности боя, количество героев, роль политрука В. Г. Клочкова были выдуманы журналистами. Бой у разъезда Дубосеково действительно был, был героизм стоявших насмерть. Только было их не двадцать восемь, а сто сорок, — и почти все они погибли¹²³. Зачем нужно было лгать и придумывать то, чего не было, достаточно описать реальные события. Но самым важным моментом был главный герой сражения — политрук Клочков. Именно политрук заменил погибшего командира, именно политрук воодушевил панфиловцев и сказал нужные слова:

— Ни шагу назад! Велика Россия, а отступить некуда. Позади — Москва. Не посраим гвардейского знамени, друзья!

---

¹²³ *Ставров Н.* Вторая мировая — Великая Отечественная. В 3-х т. Т. 2. М., 2006. С. 423.

Правда в первом сообщении о героях-панфиловцах 27 ноября 1941 года «Красная Звезда» поведала про подвиг бойцов 5-й роты, в которой политруком был Диев. Затем все стало «на свои места». Выяснилось, что на позицию к героям «пробрался» политрук 4-й роты В. Г. Клочков, который и возглавил оборону¹²⁴. 22 января 1942 года «Красная Звезда» поименно назвала всех героев-панфиловцев, погибших за Родину. 21 июля того же года им было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза¹²⁵. Позже выяснилось, что пятеро из двадцати восьми погибших героев остались живы, а один из них — Добробабин добровольно перешел весной 1942 года на сторону фашистов. В ноябре 1947 года он был арестован и привлечен к уголовной ответственности¹²⁶.

Но эти и другие несовпадения с реальной действительностью никого не интересовали. Миф был создан и жил своей жизнью.

Военные исторические символы являлись знаками эпохи. Одни из них исчезали почти без следа, другие видоизменялись, обрастали новыми «фактами», третьи — канонизировались. Власть жестко контролировала этот процесс, тщательно отбирая героические факты для «массового потребления».

Так, один из наиболее ярких «функциональных» символов, широко известный в период Великой Отечественной войны, — Юрий Смирнов, участник танкового десанта в тыл врага (лето 1944 г.), раненым захваченный в плен, но не выдавший под пытками военную тайну и распятый немцами на стене блиндажа, — после войны был фактически забыт, хотя и стал посмертно Героем Советского Союза¹²⁷.

Иначе сложилась судьба других военных символов — партизанки Зои Космодемьянской, рядового Александра Матросова и юных подпольщиков-краснодонцев. О них были

---

¹²⁴ Ставров Н. Вторая мировая — Великая Отечественная. В 3-х т. Т. 2. М., 2006. С. 421–422.

¹²⁵ Там же. С. 428, 430.

¹²⁶ Там же. С. 425–427.

¹²⁷ Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2010. С. 675.

написаны статьи, повести, рассказы, сняты художественные фильмы, их имена вошли в школьные учебники.

Еще одна причина, по которой на длительное время «забыли» погибших в войне, — новый виток репрессий в СССР после ее окончания. Продолжились депортации по национальному, социальному и религиозному мотивам. В 1945–1951 годах в места поселений было направлено 177 573 «власовцев»¹²⁸. В течение 1944–1952 годов из Западной Украины происходило выселение так называемых «оуновцев» (сокращенное от «Организации украинских националистов»). Их на 1 января 1953 г. на спецпоселении насчитывалось 175 063 человека¹²⁹. В 1945–1949 годах на спецпоселение поступило 142 543 человека, высланных из Прибалтики¹³⁰. В 1949 году из Молдавии было депортировано 35 796 человек¹³¹. В этом же году на спецпоселение поступило 57 680 греков, турков и армян, высланных с «Черноморского побережья», из Закавказья, Краснодарского края и Украины¹³². В конце 1940-х — начале 1950-х годов коллективизация в Прибалтике, Западной Украине, Западной Белоруссии, Правобережной Молдавии и Северной Буковине сопровождалась раскулачиванием и выселением десятков тысяч крестьян¹³³.

За 1946–1952 годы на спецпоселение поступило 678 010 человек. На 1 января 1953 г. на учете спецпоселений состояло огромное количество переселенных лиц — 2 753 356 человек¹³⁴.

Продолжал после войны пополняться и ГУЛАГ. Его лагеря, колонии, тюрьмы и спецтюрьмы пополнялись за счет бывших военнопленных, членов движения Сопротивления советскому режиму, прежде всего, в Прибалтике и Западной Украине, граждан, проходивших после войны по громким делам

---

¹²⁸ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т. 2. М., 2001. С. 171.

¹²⁹ Земсков В. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные // История СССР. 1991. № 5. С. 155.

¹³⁰ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т. 2. С. 171.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же.

¹³³ Там же. С. 171–172.

¹³⁴ Там же. С. 171.

(«Авиаторов-вредителей», «Ленинградскому делу», «Мегрельскому делу», «Еврейского антифашистского комитета», «Заговора врачей» и др.), а также жертв яростной кампании борьбы с космополитизмом. В 1946 — июне 1953 года по политическим мотивам в СССР было осуждено 503 117 человек, что больше, чем в годы Великой Отечественной войны¹³⁵. Указанные волны политических репрессий привели к тому, что контингенты лагерей, колоний и тюрем (без учета статистики спецтюрем и детских ИТУ) после войны все время увеличивались. На начало 1953 года в них насчитывалось 2 624 537 заключенных¹³⁶. Увеличивалась доля тех, кто был осужден за контрреволюционные преступления. Апогей пришелся на первые послевоенные годы. В 1946 и 1947 годах только в Исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа насчитывалось от общей массы 59,2 и 54,3 % политических заключенных¹³⁷.

В условиях нарастания «холодной войны» сталинскому режиму приходилось «прятать» от мировой общественности свои новые жертвы, а о жертвах Великой Отечественной проще было забыть и не вспоминать вовсе. Герои живые и павшие, их подвиги были девальвированы. Фронтовики, победители, которые могли рассчитывать, по крайней мере, на внимание властей, практически ничего не получили. Режим явно дал понять, что место победителей теперь на трудовом фронте, а о героизме и славе нужно забыть. Отсюда, может быть, у фронтовиков появилось пренебрежение к боевым наградам, многие не хотели даже мысленно возвращаться к страшным страницам истории войны. Помню из детства, как мы с мальчишками играли орденами и медалями отцов, не понимая их истинного значения. Послевоенные репрессии не минули и героев войны. В 1946 году по надуманному обвинению был несправедливо разжалован дважды Герой Советского Союза,

---

¹³⁵ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т. 2. С. 191.

¹³⁶ Там же. С. 183.

¹³⁷ *Земсков В.* Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные // История СССР. 1991. № 5. С. 152.

Главный маршал авиации А. И. Новиков. Он провел 7 лет в тюрьме вплоть до смерти Сталина¹³⁸.

Отношение к погибшим в войне и живым участникам сражений изменилось со сменой политического курса. Для Хрущева критика деятельности Сталина была не только важной компонентой в борьбе за политическое лидерство, но и, как нам представляется, искренним желанием восстановить справедливость в отношении незаконно репрессированных, а также забытых героев войны. Яркий пример в этом отношении судьба защитников Брестской крепости. Благодаря стараниям известного писателя С. С. Смирнова в 1956 году был открыт Музей обороны Брестской крепости. В 1957 году вышла его книга «Брестская крепость» (расширенное издание — в 1964 г.), которая для многих стала откровением. Повествование о незаслуженно забытых героях имело широкий общественный резонанс. Один из оставшихся в живых защитников Брестской крепости — майор П. М. Гаврилов, был удостоен звания Героя Советского Союза. С. С. Смирнов продолжил свою патриотическую деятельность. В 1963 году вышла его книга «Рассказы о неизвестных героях», много лет на центральном телевидении он вел популярную передачу — телеальманах «Подвиг»¹³⁹. Его преемником в качестве ведущего передачи о героях стал писатель К. Симонов.

Системная политика по сохранению и развитию памяти в отношении павших и живых участников Великой Отечественной войны получила свое продолжение в последующие годы. Как известно, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1945 года в ознаменование победы над фашистской Германией в Великой Отечественной войне был установлен всенародный праздник — День Победы. Но впервые широко он был отпразднован лишь спустя двадцать лет. 9 мая 1965 года в Москве состоялся военный парад на Красной площади. В этом же году День Победы стал нерабочим. 8 мая 1965 года Президиум Верховного Совета СССР своим Указом утвердил Положение о высшей степени отличия — звании «Город-герой» и «Крепость-герой».

---

¹³⁸ Военно-исторический журнал. 1994. № 8. С. 56–61.

¹³⁹ Большая Энциклопедия в 62 т. Т. 46. М., 2006. С. 173.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru